

МЕРАЙЛИ

ПЕСНОПЕНИЯ

1972 ... 2012

© Мерайли, 1972–2012

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2012

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

* * *

В мире людей добрых героев нет:
Каждый по-своему добрым и злым бывает...
Сказка приходит в спокойно-прозрачном сне,
Где пролетают лебедей белых стаи.
Может быть можно в завтрашний день войти,
Туда, где волшебным обычное стало...
Миру людей со сказкой не по пути —
Надо задуматься, а времени мало.
Книга закрыта, дочитан последний том —
Мысли на землю еще не успели вернуться...

Слабость минутную вспомнив потом,
Можно слегка, про себя, улыбнуться:
Мир без страданий, без подлости и без бед
Даже во сне может мелькнуть едва ли.
В мире людей добрых героев нет,
Каждый по-своему добрым и злым бывает.

январь 1976

* * *

О, все забудь, дорогая, все забудь!
Все мы — лишь странники земли.
Где нам узнать, зачем начался этот путь,
И как далеко мы зашли.

Неведом конец пути,
Но мы должны идти,
Всю жизнь друг от друга вдали —
Таков наш рок.

О, ты пойми, дорогая, ты пойми:
Люди такие же куклы бытия.
Мы так хотели, и могли бы стать людьми —
Но были бы вместе мы, ты и я?

Неведом конец пути,
Но мы должны идти —
Где же встреча твоя и моя?
Суров наш рок.

О, никогда, дорогая, никогда,
Может быть, нам не встретиться — только жди.
Люди, бывает, встречаются иногда
В спектакле с названием "жизнь".

Неведом конец пути,
Но мы должны идти,
Не зная, что ждет впереди.
Таков наш рок.

июль ... август 1977

Просто

Далеко, далеко, далеко, далеко
То, что хочешь иметь вблизи:
Достается с трудом, исчезает легко,
Между пальцев водой скользит.
 Счастье трудно догнать,
 Невозможно поймать —
Руки жжет, как огнем оно.
 А время все унесет —
 Время отнимет все.

Звездам надо гореть, солнцу надо светить —
Так уж в мире заведено.
Ну а нам на Земле — надо жить и творить,
Если это судьбой дано.
 Жизни бешеный бег —
 Ей ничто человек.
Тонут старые корабли.
 А молодость вспыхнет раз —
 И покидает нас.

Если надо — дерись, если надо — борись,
Если надо — ломай, — но строй!
И грызи до конца, если надо догрызть.
Скажут после, что ты герой.
 Это все ерунда,
 Ты не верь никогда —
Ты ведь просто шел за мечтой,
 И чтобы легче идти —
 Песню сложил в пути.

июль 1976

* * *

Ночь голубых огней
бросила горстку вниз.
Два прилетели к ней —
и светом глаз зажглись.
Может быть, я во сне
голос слышал ее —
только теперь о ней
сердце мое поет:

Всюду ищу твой взгляд,
но не могу найти.
Звезды-глаза горят —
надо до них дойти.
Может быть, хоть одна
сможет ответить мне,
слышишь ли ты меня,
встретимся — или нет?

Может, нет смысла ждать
зыбкой улыбки той —
но ухожу опять
я за своей мечтой,
и через звездный дождь,
и через светлый снег,
верю, что ты придешь —
и улыбнешься мне.

октябрь 1975

* * *

Тихим шепотом струн, стоном жизни согретым,
Объясняюсь в любви, объясняюсь в судьбе.
Неизвестно кому, неизвестно в какое столетие...
Ты прислушайся: может быть, я пою о тебе?

Где-то брошено все, что когда-то ценилось,
Далеко позади прошлых дней голубая мечта.
Неизвестно когда и названия игр изменились:
Одиночество, гений, любовь, доброта...

Что-то вечно, а что-то уходит — и снова приходит.
Почему-то для многого в мире не будет причин.
Все становится прошлым, и вернуться не может...
Значит только вперед — выход один!

И в созвездии лиц, мнений и обстоятельств,
Может, мне не светить — не суждено, —
Только лучше искать жизнь настоящую,
Чем забыться спокойным, серым сном.

Я не рожден для веселости скучной.
Таять в вечном, неугасимом огне!
И все, что мной от жизни получено,
Исходя от меня, растворится во мне.

ноябрь 1975

Серенада сентиментальной гитаре

Кончатся концерты, вечера,
Пустеют танцплощадки и бульвары...
А где-то по подъездам и дворам
Поют сентиментальные гитары.
Они грустят о том, что счастья нет,
И что глаза любимые жестоки, —
О том, как трудно жить в семнадцать лет
Таким потерянным и одиноким,
Об истине, утопленной в вине,
О непереносимости разлуки...
 А днем гитарам слышатся во сне
 Причудливые, сказочные звуки:
 Как будто сумасшедшая весна
 В шальной импровизации смешала
 Безудержную искренность сонат
 И светлую торжественность хорала, —
 Волнуются капли теплых нот,
 Нашептывают ласково и строго,
 Что счастье обязательно придет,
 Что до него совсем-совсем немного...
И отзовется радостью струна,
И сердце вдруг забьется так тревожно —
Ну как тут не поверить этим снам,
Когда не верить просто невозможно!

март ... апрель 1981

* * *

Калифорнийский красный песок,
грязный салунный джаз...
Есть удача — рви кусок,
а неудача — пуля в висок,
вот и весь сказ.

Рыжая Мэри — губы, как мед,
глаз голубой аккорд:
если удача — нежно прильнет,
а неудача — просто пошлет
не слишком далеко.

Эй, бродяга, — давай, бродяга,
золото мой и в кабак неси!
Эй, бродяга, — давай, бродяга,
синюю птицу ищи в грязи!

Счастливчик Джон: ему везло,
золото в руки шло —
старый кольт,
да верный конь,
да в глазах золотой огонь.
Деньги, и шляпа, и банджо,
манеры — просто шарман!
Бедная Мэри в красавца Джо
в его золото и банджо,
влюбилась без ума.

Эй, бродяга, — давай, бродяга,
золото мой и в кабак неси!
Эй, бродяга, — давай, бродяга,
синюю птицу ищи в грязи!

Банковский счет Джон открыл
и через дюжину лун
вместе с приисками купил
виллу, и рыжую Мэри Хилл —
и вместе с нею салун.

Больше Джо не моет металл
и тратиться не спешит —
он все надежно рассчитал:
выгодней вкладывать капитал
и жить на барыши.

Эй, бродяга, — давай, бродяга,
золото мой и в кабак неси!
Эй, бродяга, — давай, бродяга,
синюю птицу ищи в грязи!

август 1983

Осенняя песня

Фонари в небытие падают —
и сгорают, как корабли...
Может быть, больше не надо мне
ждать тебя, и ждать любви.
Может быть, все лучшее прожито,
к прежним мечтам — пути не найти...
Что же ты? ну что же ты
вдруг не смогла просто прийти?

Шум дождя — словно прощание.
Мертвые листья так легки...
Что теперь
напрасно печалиться!

Хватит,
довольно тоски!
К дьяволу мысли и память!
Сгинь, пропади навсегда!
Мне все равно и не жаль ничего.
Нет возврата, и нет раскаяния.
Нет ничего.
Был всегда
дождь...

Фонари —
в небытие падают
и сгорают, как корабли...
Может быть, больше не надо мне
ждать тебя —
и ждать любви?..

осень 1977

Голубой город

Голубые огни меж суровыми сопками,
Голубые снега стерегут городок...
Эта синяя даль, что зовется Чукоткою, —
Как хрустальный дворец, как чудесный цветок.

Никогда не забыть пестрых бликов сияния,
Никогда не забыть этих сопок седых.
Ты, Чукотка, прости, что порой расстояния
Отделяют меня от просторов твоих.

Тихо спит океан, в белый панцирь закованный,
Шеи кранов в порту наклонились слегка —
Месяц в небе застыл, синевой зачарованный,
А над ним голубые плывут облака.

Вдруг южак налетел, сдвинув дымку морозную, —
Завывая, клубами несет белый снег...
Встал у края земли под чукотскими звездами
Удивительный город — заполярный Певек.

весна 1974

* * *

Мертвецам закрывают глаза
навсегда.
Им отрезать дорогу назад
мы хотим.
Для живых
их безмолвный укор — как удар.
И безжалостность взгляда нельзя
отвести.
Мы не можем спокойно смотреть им в лицо,
нас страшит неизбежная смерть,
как забвение.
И живые порой так похожи на мертвецов —
и смертельно боятся прозреть
на мгновение.

Но глаза закрывают отнюдь не одним мертвецам:
неослепший живой — это суд ненавидящих глаз.
Мы стираем из жизни и памяти
наглеца,
что осмелился с мертвыми
сравнивать нас.
И потом в муках совести корчимся по ночам,
и пытаемся наши кошмары диетой лечить...
Сквозь закрытые веки
не видим в себе палача,
и не можем заботы от подлости
отличить.

А когда засмеются враги,
и заплачут друзья,
мы от боли и радости вдруг
все увидим до дна —

но родные
уже закрывают пустые глаза,
и с последним дыханием станет черней тишина.
Мертвецы не хотят быть слепыми —
в их глазах
тлеют мысли, что покоя нам
не дают...
И встают мертвецы в нашей памяти,
в наших снах,
и о нас, о незрячих, — прозревшие — песню поют.

... 3 августа 1978

* * *

В тишине слова не нужны двоим —
Все за них расскажет она.
Я всегда так верил глазам твоим —
Так смотреть могла ты одна.
 Что теперь случилось с тобой и мной?
 Неужели навек уходит весна?
 Ты уже не вернешься, но все равно
 Помни, что есть еще тишина.

Все проходит — забыла и ты меня.
Встречи случайные — тебе ни к чему.
Я тебя окликаю по имени —
Но так, чтобы слышать лишь мне одному.
 И потом в опустелой комнате
 Ночь напролет стою у окна...

Помните, вы только помните,
Что бывает еще
 тишина...

март 1977

Четвертая весна

Четвертая весна,
четвертая весна —
свисает с неба дождя пелена,
в твоих глазах
дождинка-слеза,
а дни идут.
Ты далеко,
ты опять далеко —
а я потерял давно покой:
уже три весны
все мечты и сны
о том, как я тебя найду.

Четвертой весны голубые крылья
нас унесут в вышину,
над всей земною грязью и пылью
мы полетим —
и будем помнить как самую первую
четвертую весну,
и пусть дожди
стоят на пути
серые —
ты все равно не грусти.

А если я,
а если я
вдруг не смогу найти тебя —
как хмурый день,
как молчания тень,
весна пройдет —
плакать не надо!
Ты не одна,
ты не одна —

будет еще одна весна,
не вечны дожди —
надейся и жди —
мы все равно будем рядом.

Четвертой весны голубые крылья
нас унесут в вышину,
над всей земною грязью и пылью
мы полетим —
и будем помнить как самую первую
четвертую весну,
и пусть дожди
стоят на пути
серые —
ты все равно не грусти.

Все, что стоит между нами,
растает, как снег весной, —
нам с тобой
дорогу цветами
устелет любовь.

Четвертой весны голубые крылья
нас унесут в вышину,
над всей земною грязью и пылью
мы полетим —
и будем помнить как самую первую
четвертую весну,
и пусть дожди
стоят на пути
серые —
ты все равно не грусти,
не грусти!

весна 1978

Бегство

Почему меня дали зовут?
Почему меня манят ветра?
Променял я покой и уют
На тревожные ритмы костра.
Променял бесконечность дорог
На рассветов холодный пожар...
Восходящее солнце плывет
По заплаканной стали ножа.

Убегаю от мыслей и снов,
Убегаю от лиц, и от губ...
Где укрыться от тяжести слов,
Означающих: я не могу.
Где найти мне сил, чтобы вновь
От бессилия убежать?
Горизонта убитого кровь
Монотонно стекает с ножа.

Но я верю: со мною друзья,
Что меня защитят от разлук;
Не последняя встреча моя —
Неудач заколдованный круг;
Рвите скорбные струны гитар!
Нетерпением звуки дрожат...
А холодный рассветный пожар —
Вечный танец на кромке ножа.

28 июля 1979

Баллада об одиночестве

В те далекие времена,
Когда не было вовсе времени
И мирами едва беременна
Первозданная тишина;
 В этом вечном Ничто,
 Никогда и Нигде —
 Первой памяти стон,
 Будто знак: быть беде! —
 Как проклятие и пророчество, —
 До судьбы и тепла
 Пустота родила
 Одиночество.

 И точке, вроде, можно бы жить,
 И надо бы в пространство расти —
 Но некому себя предложить
 И нечего искать и найти.
 Но пробило и ей: грозный час
 Пора давно-де в клочья рвать...
 Не вынесла она и взорвалась
 От одиночества.

С той поры покатилося светлеть —
И галактик немало разбросано,
И костры разноцветно-звездные
По реликтам холодных полей...
 А у этих костров —
 Глыбы камня и льда,
 Всходы новых миров,
 Будто чья-то беда,
 Как предчувствие и прощание —
 Неизвестно кому
 И прозрений и мук
 Обещание.

И что бы им поверить и ждать,
Мгновениями вычерпать век,
Пока взрослеет, будто звезда,
Пусть даже не совсем человек...
Но все это сейчас и внутри.
А если бесконечности хочется —
Сверхновыми взрываются миры
От одиночества.

На Земле миллионы веков,
Поколение за поколением,
Умножается население
Океанов и материков.

Из телесной тюрьмы,
Из животности стай,
Вдруг взлетают умы —
Как любовь и мечта,
Непристойные и никчемные, —
То мудрец, то поэт,
На возвышенный бред
Обреченные.

Казалось бы, не счесть теплых глаз —
А он куда-то в вечность глядит...
Кто мыслит и творит — каждый раз
Как будто в целом мире один.
Нет никого — кругом зеркала.
Зачем бумага болью исстрочена?
И души разрывают тела
От одиночества...

И даже если будут потом,
Посмертно, всенародные почести —
Признание и слава ничто —
Есть одиночество.

Опустеет и остынет Земля,
Неподвижностью и тьмой время кончится...
И начнется все опять — но не с нуля,

Все начинается с одиночества...
И возвращается в одиночество...
От одиночества.

декабрь 2006 ... февраль 2007

Освобождение

Мне жизнь не дарила улыбок своих —
мне с боя давались они.
Судьба ускользает из пальцев моих
и вечно зовет: догони!
А я всех богов и чертей сильней,
я лучше доверюсь себе:
на что они мне, на что они мне? —
я брошу их в морду судьбе!

Попытка протеста — и стая камней
в тебя полетит из толпы.
Молчи и терпи — если будешь умней,
избегнешь ударов судьбы.
И мне говорят: ну смирись, идиот! —
и сразу покой и почет...
А я отвечаю: на что они мне?
я гнить не хочу в тишине.

А если меня разлюбила Она —
я взглядом скажу: уходи!
ты мне надоела, ты мне не нужна. —
Лишь боль загорится в груди.
Но надо забыть, и не видеть во сне...
Долой бестолковую грусть!
На что она мне — ну на что она мне?
Пусть любит. А я — обойдусь.

... июнь 1977

Прощание с прошлым

Снова ветер мне принес на крыле
Тихой грусти светлый туман.
Утонуло сердце в синей мгле,
И нахлынул дум караван.

Я опять пытаюсь что-то найти —
Но не знаю ни судьбы, ни пути.
Не могу я ни прийти, ни уйти —
Мне свободный выбор не дан.

Места в мире больше нет для мечты,
Нет ни истины в нем, ни красоты,
Сердца холодны, а души пусты,
За словами спрятан обман.

Стало суетно вокруг и темно —
Будто радость затворила окно.
Мне причины не понять все равно —
Закружил меня ураган.

Память будущего ветром снесло,
Время боли и сомнений пришло,
И годами Мерайли замело —
Намело огромный курган.

сентябрь 1973

* * *

Уходят корабли, уходят поезда,
Устало улетают самолеты...
И уплывают сны неведомо куда,
И пропадают дни за поворотом;
И только белый снег, да тишина вокруг,
И мягкие, возвышенные ели... —
И синей птицей счастье вырвется из рук
На вечный голос призрачной свирели.

И вспомнятся друзья, и вспомнятся враги,
Заглядятся случайные знакомства;
И тени станут вдруг бесцветны и мелки,
Когда из синевы прольется солнце;
И смоев тишину заговоривший снег,
Распустятся зеленые капли...
И зимние мечты в придуманной стране
Забудут про февральские метели.

На голубой траве печальная роса,
Снежинки-звезды тают виновато...
Прощаются слова, прощаются глаза —
И хочется поверить, что так надо.
Уходят корабли, уходят поезда,
И самолеты тоже улетают —
И уплывают дни неведомо куда —
Туда, где расставаний не бывает.

ноябрь 1980 ... июль 1981

Скажем "нет!" войне

Вот — война — и все.
Как будто ничего не было.
Кровавый ветер несет
небо, безумное небо.
Это — отчаяние и боль.
Души горят в огне.
И снова разрывы бомб...
Нет!

Нет!!

Нет!!!

А когда-то люди, встречаясь, говорили:
Какой хороший сегодня день!
И солнце улыбалось своей щедрой
улыбкой...
Тогда еще пели птицы...
Но вот — война — и все.
Как будто ничего не было.
Кровавый ветер несет
небо, страшное небо.
Втоптаны в землю цветы.
Птиц больше нет.
И снова летит с высоты
смерть!

смерть!

смерть!

Люди, давайте отменим смерть!
Неужели мы не можем
сделать так, чтобы никогда не было войн?
Ведь можем — можем!
Так давайте отменим смерть!
С совестью наедине —
и перед всей планетой, —

люди, скажем войне:

Нет!

Нет!

Нет!

22 августа 1977

* * *

Когда ветра в дорогу выманят,
Чтобы бороться и побеждать, —
На пристани проводишь ты меня,
И будешь ждать — и будешь ждать.

А корабли уходят в плавание,
Идут сквозь бури и туман...
Ты ждешь меня в далекой гавани,
Моя удача и талисман.

А если что случится вдруг со мной —
Взгляд твоих глаз сметет беду.
Пока ты ждешь, я из дороги любой
К тебе вернусь, к тебе приду.

А корабли уходят в плавание,
Идут сквозь бури и туман...
Ты ждешь меня в далекой гавани,
Моя удача и талисман.

Ты не грусти, что нет конца пути
И что разлукам потерян счет —
Без расставаний не знали бы встречи люди,
А тот, кто любит, — любовь найдет.

А корабли уходят в плавание,
Идут сквозь бури и туман...
Ты ждешь меня в далекой гавани,
Моя удача и талисман.

осень 1978

Романс

Я не ищу забвения и счастья
Безумных тайн в полуночной тиши —
И юный трепет мимолетной страсти
Не возмутит слабеющей души.

Вам не понять неистовых исканий,
Тяжелых дум, и ласковых идей,
И тихой боли разочарований,
И горьких слов над памятью друзей.

Но все прошло, и не было покоя,
И не сумел зажечь огонь в крови...
Вы влюблены? Так смейтесь надо мною! —
Безумен я, не знающий любви.

август 1983

* * *

О вкусах не спорят, о вкусах молчат —
Не надо пытаться, вы тоже не правы, —
А мнение, высказанное сгоряча,
Всегда оставляет глубокие раны.
И если чужие дела и слова
Хотят навязать вам, как камень на шею,
Пусть даже вы правы — а жизнь не права, —
Но кто же посмеет сказать — и сумеет?
И ропот бессильный захочет в тоске,
И будет с тупым, извращенным искусством
Мечтать о величии — в кабаке,
Где скомканы все посторонние вкусы.
А время шагает по черепам,
И нам его ход все равно не нарушить,
А время глотает, как каннибал,
Невкусные мысли и вкусные души.
Что толку оспаривать силу вещей
И пошлых привычек дурное влияние,
И мнения самых нормальных людей,
И мнения всяческих ненормальных?
Все это пройдет. Не сейчас, так потом.
Суметь бы дожить, ни на что не надеясь,
До той справедливости, что мы ждем,
В своей и чужой правоте разуверясь.
Запрячьте поглубже себя от себя —
Иначе судьба, ничего не прощая,
Священную месть довершит без суда,
Вернув вас к тому, чем вы были вначале, —
И вечность злорадно наложит печать,
В бездонный архив вашу жизнь отправляя...
О вкусах не спорят, о вкусах молчат.
И с каждым молчанием — вкусы теряют.

апрель 1979

* * *

Ходят поэты
всякие разные,
пишут сонеты
благообразные;
пишут и верят, что их читают;
верят — и пишут про любовь.
Но что они
знают
о любви?
Они о ней
 ничего
 не знают.

Ходят поэты,
дарят сонетами, —
жарят котлеты
жены поэтовы;
жарят и верят, что так надо;
верят — и жарят, для мужей.
Но что они
знают
о любви?
Они о ней
 ничего
 не знают.

Ходят поэты, пишут сонеты,
 всякие разные, благообразные...
Ходят поэты, жарят котлеты,
 дарят сонетами жены поэтовы...

Но что они
знают
о любви?
Они о ней
 ничего
 не знают!

15 марта 1981

Человек-невидимка

Что поделаешь, я слабый человек —
Мне так надо на кого-то опереться...
И приходит этот миг, неотвратимый, точно смерть, —
И я в жертву приношу слепое сердце.
А за ним я — как за каменной стеной,
И спокойствие как вечное блаженство...
Счастье с горем неразлучно ходят — только не за мной,
А за теми, кто ищет совершенства.
Ну а я — безгрешен, как всегда,
На моих руках нет крови жертв невинных.
Пусть у половины мира совесть нечиста —
Я, конечно, не из этой половины.
Что там думать, сомневаться и мечтать!
Без меня решат проблемы мировые.
Отработаю свое — а остальное суета,
И пускай ей занимаются другие.

Ради вечного спокойствия живу.
Загнивают нерастраченные чувства.
В наше время Страшный Суд вершится наяву,
Быть невидимым — сложнейшее искусство.
Но за спинами других всегда тепло,
Нужно только спрятаться умело.
Ну а если тем, другим, неимоверно тяжело —
Мне до этого нет никакого дела!

лето 1977

Просто песня

Полночь промчалась мимо,
мысли спугнув мои...
Слышу я сны любимой,
дыхание затаив;
слышу, как тихий город о чем-то простом
грустит;

слышу, как время роняет часы свои.
Полночь уносит с собой ненужное прошлое —
как ураган, налетает новый день.
Хочется ждать и верить во что-то хорошее...
Может быть, будет.
Может быть, будет...
Когда — и где?

Утро придет устало
и спросит меня о том,
много ли мне осталось
на этом пути земном;
с чем я пришел,
от чего я уйду
потом,
и когда с временем старые счета сведем.
Сколько я раз оступался и падал — сколько раз!
Шел наугад — а пришел все равно в никуда...
Может быть кто-то простит милосердно
сразу всех нас...

Может быть, будет.
Может быть, будет...
Когда — и где?

4 июня 1978

* * *

Это старый роман, повторение седого сюжета:
Ускользящий вечер, такой же, как все вечера,
Над Парижем туман — а в Москве запоздалое лето
Обнаженностью плеч увлекает в сиреневый рай.

Я пишу Вам письмо, хоть и знаю, что это не в моде,
SMS, или E-mail, в нашем мире привычной давно —
И однако пишу: о себе, о судьбе, о погоде,
И о том, что хочу с Вами срочно увидиться, но...

Все куда-то течет — и протечки заделывать нечем;
Всем куда-то пора, и торопимся даже во сне —
У меня на Тверском у фонтана назначена встреча,
Ну а Вас на Kleber кто-то ждет уже в Le Savenay.

Почтальон опоздал, и осталось письмо без ответа.
Если нечего вспомнить — об этом нетрудно забыть.
Деловой календарь: расписание, график и смета —
Современные лики все той же капризной судьбы.

День за днем пролетает, меняя сезоны и климат,
Час за часом плывет под мостами и по мостовым...
Над Москвой облака отражением неторопливым,
А над Сенной туман — безразлично-далекий, как Вы.

Я пишу Вам письмо — пусть оно не найдет адресата,
Мне без Вас все равно не житье — и плевать на дела!
Покупаю билет — и лечу первым рейсом куда-то...
И хотел бы на край — но Земля идиотски кругла.

И опять суета: терминалы, причалы, вокзалы —
Где мороз, где жара, а где осень дождем моросит...
Я иду на Saint Paul от Sully, мимо книжных развалов,
Ну а Вас по Каширке куда-то уносит такси.

Тени наших невестреч будто слезы дождинок похожи:
Запах свежих следов, сожаление издалека...
Через тысячу лет мы, возможно, увидимся все же,
И друг друга пойдем, и сождем письма — а пока...

Это старый роман — вот и все, что известно об этом.
Ускользящий вечер, такой же, как все вечера.
Над Парижем туман — а в Москве запоздалое лето
Обнаженностью плеч... Увлекает...

май ... август 2005

Нацело

Если надо забыть — забывайте до дна.

Если надо уйти — уходите навек.

И сквозь красный туман замурованных век
проступает больней

призрак брошенных дней — тишина.

Страшный суд позади: из помятых долин
вопли жертв не слышны; бог, умаявшись, спит;
кто-то клеит остатки расколотых плит;
а покоя все нет —

нескончаемый бред половин.

В помутившемся небе созвездия путают ритм,
день и ночь, как слепые, не могут друг друга найти —
и бредут отрешенно они от зари до зари,
заставляя Вселенную тоже по кругу идти.

А в сумасшедших часах — циферблат добела постарел,
балансир убивает минуты — не спится ему!

Только память осталась на дне испаренных морей,
и ее неизбежно придется убить самому.

Продолжайте себя до последней строки,
до последних надежд, до последней любви...

Если надо — сумейте ползти по крови,
и в грязи подыхать —

но лишь яростней сжать кулаки.

Но случится забыть — забывайте до дна.

Пусть порвется душа — но сжигайте мосты.

В бесконечности жизни хватает пустынь,
где стоит под дождем

и безропотно ждет тишина...

... август 1980

Такие вот дела...

Сотканы из логоса и глины —
Ни тебе похлебки, ни угла, —
Брел Адам со своею половиной —
Голые, в чем мама родила.

Зябко было, голодно и страшно,
Не хватало опыта и сил —
И Адам, как мокрая дворняжка,
На луну обиженно скулил.

Но когда приспичило-прижало —
Сплел шалаш, припорошил листвою...
Ева посмотрела и сказала:
Хм! Для начала, вроде, ничего.

И пошло-поехало-помчалось!
И пахать, и сеять, и рожать...
А хозяйство быстро разрасталось —
За полдня уже не обежать.

Но первой всего, конечно, дети!
И Адам соорудил леса,
Да построил первый на планете
Самый настоящий детский сад.

С той поры материки и страны
Заселялись новыми людьми —
И все мы тут от Евы и Адама,
Хоть частенько вздорим и шумим.

Ну а бог с туманною тоскою
Созерцал из райской тишины
И качал седую головою:
Мол, до чего же, сволочи, грешны!

А когда какой-нибудь деляга
Доводил до бешенства его —
Разверзал бездоннейшие хляби,
Чтобы всех утопить до одного.

Небо расплывалось и ручьилось,
Сорок суток сверху вниз текло...
Только так в итоге получилось,
Что никому ничем не помогло.

И теперь бессмысленно лукавить,
На чертей напраслину валить:
Тут уж ни прибавить, ни убавить —
Ничего уже не изменить.

Остается только покориться,
Притушить воинственность небес,
Да почаще за людей молиться —
Хоть бы даже самому себе.

Пусть они порой несовершенны,
Недостойны ласки и любви —
Но это, боже, все твои творения,
Дети неразумные твои.

октябрь 1980

Декадентская

Нет
в жизни кайфа.
Это не секрет:
полным-полно маразма —
а кайфа нет.

Нет
в жизни кайфа.
И не было его.
А что еще осталось?
Да ничего.

Угрюмые иконы,
суровые законы,
товарные вагоны —
и больше ничего.

Нет
в жизни кайфа.
Это не секрет:
полным-полно маразма —
а кайфа нет.

Все
очень глупо.
Фальшивая игра.
Бесмысленно и тупо,
и все — мура.

Ненужные укоры,
пустые разговоры,
дурацкие запоры —
и прочая мура.

Нет
в жизни кайфа.
Это не секрет:
полным-полно маразма —
а кайфа нет.
Сесть
прямо в лужу —
и выть на лихачей.
Зачем все это нужно?
Да низачем.

Для диких расстояний,
для новых расставаний,
чужих существований —
а больше низачем.

Нет
в жизни кайфа.
Это не секрет:
полным-полно маразма —
а кайфа нет.
Все,
кто придется,
валяют дурака.
А кто-то вдруг загнется —
и вновь тоска.

Возможно, через осень,
а может, завтра в восемь,
или когда попросит
случайная тоска.

Нет
в жизни кайфа.
Это не секрет:
полным-полно маразма —
а кайфа нет.

Все
надоело.
Навязчивая муть.
Кому какое дело?
Да никому.

Сознательнейшей массе,
соседу дяде Васе,
бухгалтеру в сберкассе —
и больше никому.

Нет
в жизни кайфа.
Это не секрет:
полным-полно маразма —
а кайфа нет.
Нет
в жизни кайфа.
И не было его.
А что еще осталось?
Да ничего.

весна 1981

Колыбельная кошке

Мяу, мяу, куколка,
Кошечка-мяукалка,
Кошечка-царапочка,
Мяконькая лапочка.

Мяу, мяу, нюшечка,
Лизочка, игрушечка,
Прыгалка, бегушечка,
Тепленькое брюшечко.

Мяу, мяу, спать пора —
Все затихло до утра:
Птички спят, и мышки спят, —
Сны заснули у котят...

апрель ... май 2001

Белое танго

В новогоднюю ночь у стола со свечами,
Совершенно случайно, нас надежда свела.
Мы пока еще вдвоем, но все ближе час прощания —
И любовь прошла, и молодость прошла.

Гори, гори, свеча —
Светлый круг, и тьма вокруг —
И на стенах наши тени
Не разлучай!
И ты, мой нежный друг,
Не покидай меня —
Задержишь хоть на мгновение,
Давайждемся дня.

Не торопи минут последней встречи,
Не зажигай прощального огня!
Пусть уйдешь ты — но только в этот вечер
Не покидай, не покидай меня.

Как легко оборвать судьбу загаданных желаний,
Растаять в темноте эхом сердитых шагов —
И в комнате моей опять пустое пламя
Электрических ламп над пеплом сердца моего.

О, почему нам юность изменяет,
И новый год не в силах нам помочь?
И не знаю я, и никто не знает,
Зачем должна погаснуть эта ночь.

Гори, гори, свеча —
Светлый круг, и тьма вокруг —
И на стенах наши тени
Не разлучай!

И ты, мой нежный друг,
Не покидай меня —
Задержись хоть на мгновение,
Давай дождемся дня.

Не торопи минут последней встречи,
Не зажигай прощального огня!
Пускай уйдешь ты — но только в этот вечер
Не покидай, не покидай меня.

декабрь 1984 ... май 1985

Песня о заблудившемся трамвае

По улице, продрогшей и пустой, ночью шел трамвай,
куда — не знаю.
 Искрили провода, и зеленые искры шипели и опускались
на землю, не спеша.
 И ехали пять молчаливых пассажиров в заблудившемся
трамвае,
 И ехал в трамвае кондуктор и от холода дрожал.

А я на остановке один-одинешенек стоял и ждал,
чего — не знаю,
 Тяжелый чемодан уронив и грея ладони в рукавах пальто.
 Трамвай остановился, и дверь слегка приоткрылась,
вроде как приглашая:
 Мол, садись — и поедем все вместе, а то ведь замерзнешь
ни за что...

А я засомневался, и медлил, и бубнил, что я не знаю,
 Что, может, мне совсем не в ту сторону, и мелочи
не хватит на билет...
 И мне сказал кондуктор потрескавшимся голосом,
головой качая:
 Садись — и поедем все вместе. Неважно куда,
только всемером теплей.

И пять молчаливых пассажиров кивнули головами
и задумались опять, о чем — не знаю,
 И взял я билет за три копейки, и поехал, и забыл про чемодан;
 И видел я, как рельсы назад убегают, в тумане пропадая,
 Махнув на прощание пестрым букетиком ледяных реклам.

Вдруг стало очень грустно, и захотелось плакать,
а можно ли — не знаю.
 Но подошел кондуктор и, за руку взяв, вперед пересадил:

* * *

По утрам мимо наших окон
Пролетает сиреневый слон.
Он взлетает легко —
И уже далеко
В небе тает сиреневый слон.

Его уши сильны и нежны —
Не нарушат они тишины.
И пускай себе спят
Те, кто скучно твердят,
Что, увы, не летают слоны.

Но однажды слоненок смешной
Прислонился к сирени весной —
И хотя уж давно
Стал он взрослым слоном,
Он полетностью болен цветной.

Если слон в бесконечность влюблен,
На земле не заблудится он.
Пусть сбываются сны,
И летают слоны
По утрам мимо наших окон.

сентябрь ... октябрь 2001

* * *

Налаявшись с людьми и нелюдьми,
Пусть все осточертеет до блевоты,
Придешь домой — задумайся на миг:
А стоит ли считать заботы?

Сними пиджак, и плечи распрями,
Сорви устало мыльный галстук с шеи,
На тапки туфли и носки смени —
И сразу станешь выше и добрее.

Вруби магнитофон и не скучай,
Креслу доверь расслабленную спину —
И созерцай, как черен черный чай
В стакане с подстаканником старинным.

И посмотри на город из окна,
И всех пойми: они не виноваты...
Ведь за окном идет на штурм весна,
И рвутся почки, как гранаты.

А если в мире пасмурно еще,
Ни для кого отнюдь не откровение,
Что годы серой слякоти не в счет —
А в счет идут прекрасные мгновения.

май 1982

Раскаяние

Что будет — кто знает? —
когда весной
души оттают?
Кто знает, куда уйти
от бесконечной
совести?
Тяжкий крест на хребте,
и тысячи
ненужных путей.

Что делать — кто знает? —
когда надежда
умирает?
Кто знает, куда уйти
от бесконечной
памяти?
Тяжкий сон по ночам,
и призраки
в окна стучат.

Ложный стыд, ложная честь...
Где же выход?
Вряд ли он есть.

Но, может, — кто знает? —
когда-нибудь
лучше станет.
Кто знает, что впереди,
что уцелеет
в вечности:
тяжкий смысл
истины,
стоны богов, или хохот сатаны?

19 декабря 1979

Осенняя песня

Мысли и дни, уходящие в бездну.
Просто, как ничто. Страшно, как темнота.
Ропот шагов — далеко, за туманами детских надежд.
Время, не глядя, подписывает счета.
Мысли и дни убегают к недавним друзьям.
А ни извилинах — плесень седины.
Слушайте — зачем?

Одинокие тени скользят
по руинам столетий.
Кому вы нужны?

Мысли и дни, незнакомые лица.
Тихо, как луна. Грубо, как похвала.
Память добра — вечерами прощания горестных птиц.
В мертвом костре нераскаянная зола.
Мысли и дни одиночек исчезли в дыму.
Камни гробниц неподкупно холодны.
Слушайте — за что?

Наслаждение гордостью мук —
одинокие тени.
Кому вы нужны?

Но грянет глас —
и вспыхнут костры,
взорвутся
гробницы и склепы ветхие;
в путанице энергий и энтелехий —
Правосудия
царственный рык.
И адское пламя в душах высветит,
взвешивая каждый стон,

где
 одиночество
 мудрых и святых,
а где —
 суеверие, злоба или ханжество.

Мысли и дни — окончание сказки.
Слепо, как мечты. Больно, как правота.
Призраки тел в пустоте невозможных, несбывшихся ласк.
Скорбная вера уставшего ждать Христа.
Мысли и дни: утонули в сугробах дома.
Сдавленный стон перетянутой струны.
Слушайте — за что?
 Молчаливо приходит зима,
обрывая вопросы:
Кому вы нужны?

8 ноября 1979

Эрос

Я хочу целовать тебя, быть с тобою рядом.
Я хочу, чтобы знала ты: я тебя люблю.
Только если тебе все равно, не зови, не надо —
Пусть шторма гудят в паруса одинокому кораблю.

Буду просто терпеть и ждать, с непогодой споря,
Оставляя дела и дни где-то за кормой, —
Ты единственное мое ласковое море,
То единственное из морей, что ведет домой.

Через каждую из потерь и грущу, и верю,
Что когда-нибудь отгорит грозовая тьма.
Как стремлюсь я к тебе! — ты мой долгожданный берег.
Как хочу я прильнуть к твоим розовым холмам!

И когда в алой глубине, поздно или рано,
Ты волнение и тоску тоже ощутишь,
Я омоюсь твоей волной — и на рейде стану,
Пока ты меня к себе, в свою гавань не пригласишь.

сентябрь 1989

Что дальше?

Когда, уходя, вы простите себе
Случайность обид, одиночество бед,
Неискренность слов и неверие в лучших друзей,
Что будет потом? И еще раз потом?
Безликие звезды на небе ночном
И праведный сон на подстилке из старых газет?

А солнце наутро взошло — и растаяла тьма,
И снова рассветным огнем запылали дома.

Не думать о том, чего не повторить,
Нешадно собой и другими сорить,
Чтобы только схватиться с удачей один на один...
Но снова падение, и снова мрак,
И кажется: все обращается в прах, —
И солнце погасло навеки, и жизнь позади.

Но вот оно все же взошло — и растаяла тьма,
И новым рассветным огнем запылали дома.

Так что же теперь? Снова вязнуть в своей слепоте?
А после забыть и простить, и еще раз начать?
Но совесть, неслышная днем, не уснет в темноте —
И тысячи глоток о подлости прошлой кричат.

И солнце, как совесть, взошло — и растаяла тьма,
И снова рассветным огнем запылали дома.

18 ноября 1980

Танго Изабелла

Моя звезда затмилась и погасла,
Любовь прошла в рассветной дымке голубой...
И все же мы любили не напрасно
И не случайно встретились с тобой!

Ты будешь со мной, как в самый первый вечер,
И алых роз лепестки на локонах твоих...
Ты, как звезда, погаснешь незамеченно, —
Но вспомню я: мир тесен для двоих.

О Изабелла! Это дивное имя
Я повторяю, всей душою любя.
Как радостно бродить переулками ночными,
Искать тебя — и звать тебя.

Давным-давно умолкли серенады.
Прошли века, другой становится любовь...
Но музыка звучит, чтобы мы снова рядом
В одном аккорде встретились с тобой.

Ты будешь со мной средь шума городского,
И свет вечерней зари на локонах твоих...
Ты как мечта — родная и непокорная.
Но все равно: мир создан для двоих.

О Изабелла! Это дивное имя
Я повторяю, всей душою любя.
Как радостно бродить переулками ночными,
Искать тебя — и звать тебя.

... июль 1984

Про себя

Над улицей Молчания голубое небо.
Да, над улицей Молчания голубое небо.
Значит ли это, что в нем обязательно должно светить солнце?

Над улицей Молчания голубая ночь.
Обыкновенная голубая ночь.
Значит ли это, что в ней прячется свет хотя бы одной звезды?

Над улицей Молчания плывет тишина.
Умиротворенная, ласковая тишина.
Значит ли это, что на улице Молчания люди непременно
счастливы?

Что из того
если хочется бежать,
в ослеплении бежать,
убегая от себя,
от прохожих и друзей,
от родных,
от цветов,
от деревьев и камней?

Что из того,
если хочется кричать,
в исступлении кричать,
перекрикивать себя,
задыхаться и хрипеть,
снова крик —
тонет стон,
если больно в тишине?

Улица Молчания — голубая капля дождя.
На пересохших губах неуловимая капля дождя.
Дождь уплывает вдаль рекой несбывшихся грез.

Улица Молчания — это голубая река.
Светло-голубая, неторопливая река.
Река Молчания впадает в море Одиночества.

Улица Молчания — голубое море.
Глубокое и тяжелое, безгранично голубое море.
Но море Молчания — это всего лишь часть океана Отчаяния.

Что из того,
если мертвые слова,
нерожденные слова
возвращаются назад,
бестелесные сверчки —
и смычки
по одной
измочаленной струне?

Что из того,
если всюду голоса,
музыка и голоса,
треугольные глаза,
воспаленные зрачки,
пауки —
и смешно,
если больно в тишине?

Над улицей Молчания голубое небо.
Да, над улицей Молчания голубое небо.
Значит ли это, что в нем может светить солнце?

март ... май 1982

* * *

Приходит песня ко мне на порог:
Тра-ла-ла, ла-ла, ла-ла, ла-ла —
Приходит песня ко мне на порог
О том, как я люблю тебя.

И в этой песне только три слова:
Тра-ла-ла, ла-ла, ла-ла, ла-ла —
И в этой песне всего три слова —
Три слова: я люблю тебя.

Темнеет ночь, светает день —
Ты свет дневной и ночная тень.
Будет осень, и будет весна —
Это лишь ты, лишь ты одна.

Приходит песня ко мне на порог:
Тра-ла-ла, ла-ла, ла-ла, ла-ла —
А как бы еще рассказать я мог
О том, что я люблю тебя?

Пусть хлещут дожди, и пурга метет,
И наши следы занесут снега,
Годы проходят, и все пройдет —
И только я люблю тебя.

Ты будешь со мной, а я с тобой —
Ты стала навек моей судьбой.
Лишь о тебе мечтаю я —
Ты счастье мое и жизнь моя!

Приходит песня ко мне на порог:
Тра-ла-ла, ла-ла, ла-ла, ла-ла —
Приходит песня ко мне на порог
О том, как я люблю тебя.

Песня о переменах

Говорят, будто что-то меняется.
В самом деле, меняется

что-то.

Только так уж оно получается:
Изменения — не наша забота.

Сверху спустят закон,
Где наш голос "учтен" —
И ликует народ,
Под закон подведен.
А как сменится трон —
Будет новый закон.
Нам тогда объяснят,
Чем был старый дурен.

А нам наплевать, кто на нашем горбу
Каждодневно въезжает в свой рай.
Так что же: терпеть и роптать на судьбу,
Или в драке пропасть? — Выбериай!

Выбор глух — аж в печенках паскудится.
Но когда же бывало иначе?
Мы ведь знаем: кто доблестней трудится,
Магазины для тех побогаче!

Наш державный отец
Истрадался вконец,
Дабы с честью блюсти
Свой законный венец —
Он не спит по ночам
От проблем и программ,
И поэтому спать
Не положено нам!

Ох непросто оно — на высоком верху
Обеспечить большую семью:
Аппетиты растут — и, хоть рыльце в пуху,
Каждый требует долю свою!

Что-то будет меняться, естественно.
Только лишних иллюзий не надо.
Хоть война, хоть чума, хоть пришествие —
Продолжается тот же порядок:

После сладких речей —
Стол отборных харчей,
А на случай чего —
Стая личных врачей;
Всем дружкам по звездам —
Глядь, в героях и сам;
А кто против — того
По горбам, по горбам!

А нам все едино, кто будет нас бить:
Царь, генсек, президент или бог.
В этом мире нельзя ничего изменить
Без того, чтобы сам не подох.

Так гори оно все погребальным огнем!
Пропадать — так уж всем заодно.
Не на этом свету, так хотя бы на том —
Всем всегда и везде все равно.

1988

Эпизод

Не плачьте, мадам. Не по правилам это.
Стеснительно как-то, неловко внутри...
Ну да, вот уж месяц, как кончилось лето,
И ветер последней листвою сорит;

Да, в этой погоде приятного мало.
Особенно подленьким утром, когда
Полнеба с овчинку по сонным кварталам
Нападало ключьями на провода —

Когда все бесцветно, промозгло, противно,
И дохлое солнце в который раз,
С трудом вылезая из черной перины,
Не в силах продрать свой единственный глаз...

А тут еще время настенное гонит
Из дома в кошмар, где работа спешит,
И душно в груженом телами вагоне —
Битком, как всегда, — а вокруг ни души.

Да что там, в метро, — если стынет планета,
Как тень флажолета в усталой струне...
И годы, и память, и кончилось лето,
И с каждой каплей прощаться трудней.

Не плачьте, мадам, — открывается дверь,
И можно чего-то вдохнуть, кроме пота,
И кто-то уходит — пусть даже не кто-то,
А просто уходит... Так что же теперь?

Тут даже хотел бы — да жизнь приказала.
Такая природа. Беда — не вина.

Кому-то пилить до Речного вокзала —
А мне, с пересадкой, до Ногина...

Дойти без потерь удастся немногим.
Слепая усталость, внезапная злость...
Бывает, что сходятся чьи-то дороги.
Но чаще расходятся — так повелось.

А если сочувствует некто злорадно:
Мол, предупреждали, что не про нее, —
Родня досаждаёт советами, — ладно,
У них интересы: квартира, шмотье...

Попы, свято дело, усердствуют тоже.
Им лишний клиент — от начальства почет.
Но глянешь на эти паскудные рожи —
И сразу понятно, зачем и почему.

Они Вам навесят, насловоблудят,
Придумают сказочку рассказать:
Мол, кто-то на небе за Вас все рассудит,
И даже накажет кого-нибудь за.

Да Вам оно надо, чтобы наказали?
Любовь по приказу — страшнее войны.
А участь кикиморы под образами —
Для тех, что ума и души лишены.

Не скромничайте, это сразу заметно:
Вам рано стареть — и, быть может, не раз
Придется еще прыгать с ветки на ветку,
И будет, возможно, больней, чем сейчас...

Не плачьте, мадам! Пролитые печали
Не вечны — и тают кошмары зимы;
Согретые новой надежды лучами,
Навстречу весне пробуждаемся мы.

И высветит звонкое солнце опять,
И небо на землю прольется цветами,
И это — навеки останется с нами,
И осени это у нас не отнять.

А все остальное — да будь, сколько будет!
Хоть давит толпа, как могильной плитой,
Но там, за телами, скрываются люди —
А это, замечу, уже кое-что.

Пускай — неказисты, и угловаты,
Не знают, при случае, правильных слов...
Не принцы, конечно, — и сплошь небогаты,
Богатым в такие места запахло.

Но все же из этой столичной клоаки,
Как ходики загнанные, хрипя,
Сквозь потные слезы, и злобную накипь, —
Они иногда возвращают себя.

И вдруг — обнаруживается вечность,
И можно подумать о ней, не спеша,
Понять и почувствовать по-человечески,
Что вот она, рядом — живая душа.

А значит, неважно, какая погода,
Еще не светает, или снова темно —
В любое столетие и время года
Мы станции наши найдем все равно.

Не плачьте, мадам! Пусть на улице слякоть —
Не надо. А впрочем... Да что это я
С утра прицепился? Вам хочется плакать?
Так плачьте, и плачьте — и бог не судья.

октябрь ... ноябрь 2007

Несвиданная

Может быть, я твой не встреченный...
Время сонное в часах.
Вот уже которым вечером
Выхожу к тебе я в сад.
Звездочки на небе рассыплю,
Шепчется волна с луной...
Что же ты, моя хорошая,
Не поговоришь со мной?

Не одну я песню выучил
За рекой у соловья...
Но темны в саду тропиночки —
Где твоя, где не твоя?
И всего немного надо бы,
Чтобы распутались они, —
Просто улыбнись однажды мне,
Только лучик протяни!

Но пока — не видно весточки.
Полночь будто век стоит.
Небо да холмы окрестные —
Собеседники мои.
Звездочка в ночи качается,
Далека и холодна...
Непонятно получается:
Я один, и ты — одна.

май ... ноябрь 2008

Правильный вальс

Есть время для забот,
Есть время для печалей,
Но всем один закон —
Кончаются пути.
Казалось, этот год
Не так давно встречали —
А вдруг зима, — и с нами он
Прощается почти.

Что толку вспоминать
Изменчивое лето!
Вот, песню допоем —
И можно в новый путь:
Немые имена,
Вопросы без ответа...
Жизнь продолжается, ее
Назад не повернуть.

А значит, просто нет
Для робости причины —
И помнят, и спасут...
В конце любых дорог
Есть музыка огней,
И, что бы ни случилось, —
Где-то в заснеженном лесу
Вальсирует дымок.

Да будут каждый год
Нежней слова и взгляды —
Он долгожданный гость
Планеты кочевой;
Пусть все произойдет —

Так правильно, так надо...
А если что-то не сбылось —
То тоже ничего!

декабрь 2009 ...январь 2012

* * *

Мне говорили: она другой породы.
А я судьбой — последняя шпана...
Но пусть мне больше не видать свободы,
Что полюбил — в том не моя вина.

Сначала, вроде, было все красиво:
Цветы, понты, и в голове туман, —
И в загсе проштампованная ксива,
И на двоих уютный ресторан...

Устроился служить, как ни противно.
И с прежними делами завязал.
Сначала комната, потом своя квартира...
Так, понемногу, — куда-то выползал.

Потом настали времена лихие.
И каждая копейка на счету.
А за бугор из долбаной России
Не удалось — и здесь невмоготу.

Пришлось опять по дури заначалить,
И вспомнить кое-что из ремесла...
И вечерами, в страхе и печали,
Она напрасно блудного ждала.

Бессонницы, болезни, неудачи...
И сволочи на каждом этаже.
А тут и я... То холоден, то мрачен...
Озлобился, и в целом — похужел.

Пошло-поехало. Обиды и укоры.
И слово за слово, и за слезой слеза...
Любил по-прежнему — да что ей разговоры?
Поверить трудно — жить уже нельзя.

Вот и довел до подленького часа:
Мне телефон — про всяческую жуть...
Я бросил все, быстрее себя примчался...
Но что с того? Ее уж не вернуть.

Из отупения — в остервенение.
Да проку-то — рвать волосы, когда
Вошел в ее последнее мгновение
Трусливой сволочью, без чести и стыда.

Мне бы нежности — не денег, и не абиций!
Чтобы никаких сомнений на порог.
Моя вина не в том, что я влюбился,
А что любовь свою не уберег.

2001

Requiem

Anche nei cimiteri ci sono i fiori...

Gianni Rodari

Этот мир не для трепетных душ.
Это время — для диких зверей.
Ты был чист и прекрасен — над прахом твоим
Веселится толпа дикарей.

Этот мир не для гордых сердец.
Это время — для подлых рабов.
Ты был светел и прям — и тебя холода
Навсегда погребли под собой.

Эта боль холодна.
Эта песня грустна.
Как крушение надежд,
твоя гибель страшна.
Будто где-то внутри
Оборвалась струна —
И холодное пламя горит.

Только звезды — и лед.
Гнет унылых забот.
Ты не смог перейти
Через солнцеворот.
Только память жива
И потерянно ждет —
Но чужие приходят слова.

Мертвый хаос сметают века.
После бури приходит покой.
Ты был храбр и умен — и дорога твоя
Не окончена смертной строкой.

Будет мир и свободен, и чист.
Будет время — и станет теплей.
Ты был нежен и юн — и весенний росток
Полон новою жизнью твоей.

Будет память тепла.
Будет песня светла.
И печальный огонь
Отпылает дотла.
И потухших костров
Голубая зола —
Лишь предвестие новых миров.

Зов далекой звезды,
Струны талой воды,
Даже тень красоты —
Оставляет следы:
Как дыхание мечты
У порога беды —
На могилах живые цветы.

Этот мир не для трепетных душ...
Мертвый хаос сметают века...
Этот мир не для гордых сердец...
Будет время — и станет теплей...

декабрь 1992

СОДЕРЖАНИЕ

В мире людей добрых героев нет.....	3
После концерта.....	4
Просто.....	5
Ночь голубых огней... ..	6
Седьмая струна.....	7
Серенада сентиментальной гитаре.....	8
Калифорнийский красный песок.....	9
Осенняя песня.....	11
Голубой город.....	12
Мертвецам закрывают глаза.....	13
В тишине слова.....	15
Четвертая весна.....	16
Бегство.....	18
Баллада об одиночестве.....	19
Освобождение.....	22
Прощание с прошлым.....	23
Уходят корабли.....	24
Скажем "нет!" войне.....	25
Когда ветра в дорогу выманят.....	27
Романс.....	28
О вкусах не спорят.....	29
Ходят поэты.....	30
Человек-невидимка.....	32
Просто песня.....	33
Это старый роман.....	34
Нацело.....	36
Такие вот дела.....	37
Декадентская.....	39
Колыбельная кошке.....	42
Белое танго.....	43
Песня о заблудившемся трамвае.....	45
Песенка о сиреневом слоне.....	47
Налаявшись с людьми и нелюдьми.....	48
Раскаяние.....	49
Осенняя песня.....	50

Эрос.....	52
Что дальше?	53
Танго Изабелла	54
Про себя.....	55
Приходит песня... ..	57
Песня о переменах.....	58
Эпизод	60
Несвиданная	63
Правильный вальс	64
Мне говорили	66
Requiem.....	68